

84(2-665.1)

К Т-22

Андрей ТАРХАНОВ

Половине
марта

АНДРЕЙ ТАРХАНОВ

Наталя Владимировна!
Согласно легенде Вы сейчас фея-
волшебная хозяйка Югорской земли.
От Вас зависит её процветание.
Так вернитесь с улыбкой гудея:
пусть растут дворы, уютные дома,

ПОЮЩИЕ

МОЛНИИ

пусть везде веселятся люди.
Собственно, Вы уже делаете это...
Сердечно поздравляю Вас,
Наталя Владимировна, с весенним
праздником 8-ое марта!
Желаю здоровья, вдохновения к жизни! -
поэт Андрей Тарханов
8 марта 2015 года.

Роли
«Лулу»
2015

- 0186143 -

Государственная
библиотека
Югры

КО

УДК

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5

Т 22

Т 22 **Тарханов А. С.**

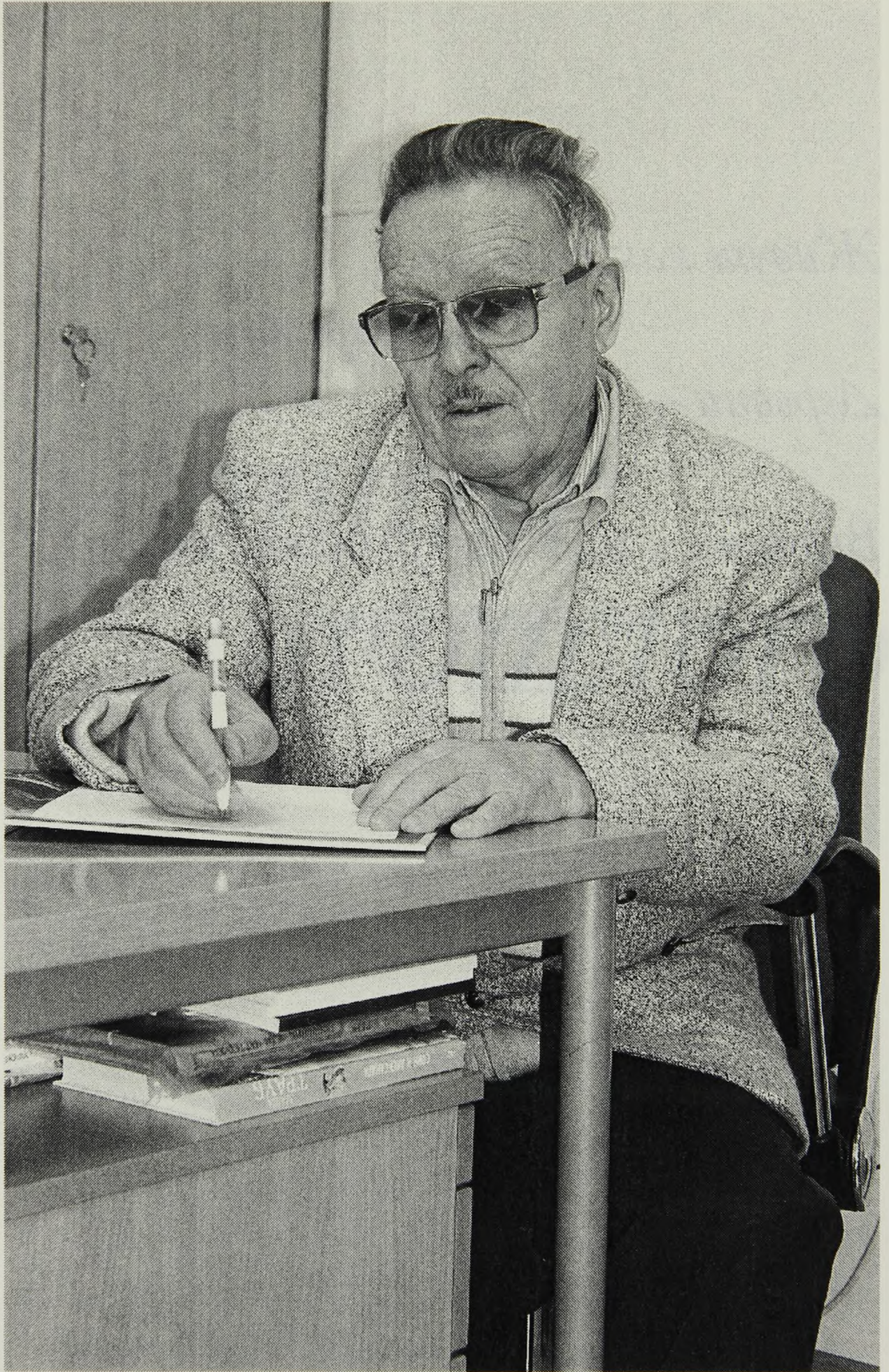
Поющие молнии : стихотворения / А. С. Тарханов ;
вып. ред. П. Р. Черкашин. – Роли : «Лулу», 2015. –
192 с.

ISBN 978-1-312-90013-4

© Тарханов А. С., стихи, 2015

© Черкашин П. Р., дизайн, 2015

© «Лулу», печать, 2015



Живут как память,

как зарницы

Деревни —

дней былых краса.

Верните к ним на крыльях, птицы,

Верни на час меня, гроза.

*ЗАРНИЦЫ
ПРОШЛОГО*

Жизнь так коротка,

как зарплата.

Дорогая —

Верните деньги на зарплату, а не на...

ПРОШЛОЕ

* * *

Меня приучают к смиренью,
И гаснут порывы любви.
Оставьте меня, сожаленья —
Печальные братья мои!
Мне с вами теперь не ужиться,
Отныне вас не обниму.
Мне заново надо влюбиться,
В печали не быть одному.
Я милую выбрал на воле,
И радостно стало лесам.
Она — как цветущее поле,
И я — как поющий орган.

* * *

Боготворю деревья и траву.

Ну, почему не разумом живу?!

И где вниманье ласковой жене?

Она в смятенье по моей вине.

– Ты где пропал?! –

я слышу звонкий крик.

Я зов звезды почувствовал в тот миг.

Опять лечу с мечтою в вышину.

Опять жену оставил я одну.

МЕЧТАТЕЛЬ

*Именно мечтатели соединяют прошлое с будущим.
Они и есть вдохновители людей к жизни*

Над Мойкой голубой туман
И голубые нити капель.
По этим нитям к облакам
Хотел подняться наш Мечтатель.
Он улыбается лучам.
Спас на Крови пред ним сияет.
Твоей судьбе, великий Храм,
Мечтатель горе предрекает.
Мечтатель видит сквозь века
И войны, и кошмар блокады...
Но снова в радугах река,
И куполов паренье свято.
О, нити вечности земной!
Они сроднились с облаками,
И души гениев с лучами
Благословляют нас с тобой.
Мечтатель, вижу я тебя
При свете благотворных молний.
Ты, ликом в дали устремленный,
Идешь, мечты для нас тая.

СТАРИННЫЙ ТРАКТ

Сто лет назад здесь шел торговый,
Шумливый и опасный тракт.

И слышал этот лес кедровый
Лихие песни, свист и мат.

Через Тобольск везли с Востока
В соболий край шелка, хурму,
Наряды для красавиц строгих,
Тазы из меди, ружья, хну...

Он, тракт, петлял рекой, лесами,
Бежал болотами порой.

Возы сопровождал ночами
Казачий сабельный конвой.

Купцы крикливые спешили
Сбыть до распутицы товар.

И были лошади, как в мыле,
Валил от бедных белый пар.

Случалось здесь –

оленьи нарты

Людей спасали от беды,
Когда взбухали в теплом марте
Болота от шальной воды.

И приходилось гатить топи –
Всегда с собою топоры.

Изведал тракт немало скорби,
Тому свидетели боры.

Да и сейчас на сердце жутко,
Когда увидишь черепа

ТУМАН*

Костры рябин горят над яром,
Над морем голубой воды.

И кажется –

тайга в пожаре,

А не в объятьях красоты.

Туман бывает и сердитым:

Валы белы,

а яр – как медь.

От страха, словно от обиды,

На высоте ревет медведь.

На волнах вольного Тумана

Я плавал в детстве, рос, мужал.

Меня благословила мама:

«Здесь твой, сынок,

любви причал».

Твое оранжевое лето,

Туман, я вижу пред собой.

И звуков нет таких на свете,

Как твой чарующий прибой.

*Туман – название большого озера в Кондинском районе.

АМАНЬЯ*

Сыну Илье

В болоте он – Комполен** злой,

Цветы смеются в луговине.

А между Злом и Красотой

Стоит кедровник в середине.

Стоит стеной над речкой он,

Ее во всем оберегая.

Он этой речкой восхищен,

Она ведет к воротам рая.

В ее морошковой воде,

Душистой, желто-красно-белой,

Есть щука,

в рыжей бороде

Которой

ерш ютится смело.

Сюда на сладкий водопой

Спешат олени издалека.

Здесь хвои редкостный настой,

Он как бальзам в лесной дороге.

Волшебной Аманья слывет,

Ее кедровник стал священным.

И кто сюда хоть раз придет,

Уже он станет вдохновенным.

* Аманья (манс.) – в буквальном переводе на русский – маленькая речка.

** Комполен – в мансийской мифологии – злой болотный дух.

К ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ

*В Кондинском районе было шесть поселков,
основанных переселенцами, так называемыми
кулаками, из центральной части России*

Поселки ваши, как станицы,
Длиной, наверно, в три версты.
Не забывали вы молиться,
И ждали от властей беды.
Слезу последнюю упрятав
На всякий случай, для Креста,
Вдруг поняли, что есть отрада –
Терпенье, труд и красота...
Святые руки хлеборобов! –
В страду черны и тяжелы,
Трудились искренне до гроба,
Вмиру не ведая хвалы.
Судьба давала испытанья
И на поля, и на тока.
Вы были истинно крестьяне
С наклейкой мрачной «кулака».
Как детства милые игрушки,
Остались в памяти годов
Фамилии: Кузьмин, Петрушкин,
Фомин, Денисов, Иванов...
Остались в памяти бескрайни
Поля пшеницы, спелой ржи.
Но... нет уже поселка Дальний,
И в пятом – ни одной души.

Переселенцы, дети ваши
Вернулись в свой центральный край.
И, глядя на пустые пашни,
Былому говоришь: прощай!..
Но это злое запустенье
Полей – повсюду

Боже мой!

Какого ждать столпотворенья?
Грядет ли вновь переселенье?
Скажи, Россия, что с тобой?!

* * *

Всё в прошедшем совершено...

Надпись на старинном замке в Сигулде

Уже утихли всех ученых споры –
Не могут вечно быть леса щедры.
В прошедшем совершенны были горы,
И реки, и сосновые боры.
Они дарили радость и блаженство.
У полноводных и прозрачных рек
Терял свою черту несовершенства –
Терял свою угрюмость человек.
Доспехи скинув, он самозабвенно
Глядел на горы, в небо, в синеву.
И сам себе казался совершенным,
И слезы, слезы падали в траву.
И столько в нем тогда смиренья было,
Что верилось Природе:

вот сейчас

Он меч отбросит –

этот символ силы,

Другая станет править миром власть.
Но снова войнами решал он споры,
Вздымая и мечи, и топоры...
В прошедшем совершенны были горы,
И реки, и сосновые боры.

-0186143-

Государственная
библиотека
Югры

КО
17

НЕБЕСНЫЕ ЗВУКИ

*Когда я лечу в самолете, ко мне являются красивые мелодии.
Звучат они на расстоянии, как бы зовут к себе*

Песни Глинки и вальсы Шопена
Дарит мне самолет в облаках.
Вижу я: улыбается Вена,
Голубеет Дунай на глазах
Осиянны небесные звуки,
Открываются тайны любви.
Простираются женские руки
На восторги земные мои.

Этот миг, эта радость от Бога,
Звуки свой совершают полет.
Открывается в небе дорога,
И Шопен к восхождению зовет.
Я себя заклинаю на муки,
Только б слышать небесные звуки!
Песни Глинки и вальсы Шопена,
Я лечу к вам, душа вдохновенна.

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

*От руки наемного убийцы погиб
замечательный человек—
окружной прокурор
Бедерин Юрий Александрович.
Памяти его посвящаю эти стихи*

Моя березовая роща
Живет в оранжевом огне.
Она, как факел, этой ночью
Тропинку освещает мне.
Иду в загадочном тумане,
Иду осыпанный листвой.
Для равнодушных — очень странный,
А для влюбленных — вечно свой.
Моя березовая роща,
Душою понимаю сам,
Что я осенней звездной ночью
Всегда подвластен небесам.
Струится лунная дорога,
И каждую звезду видать,
Иду сейчас, наверно, к Богу,
В его печаль и благодать.

* * *

Ты в руке держала ветку
Майской листвени моей,
Удивляясь далям, ветру
И бесстрашию стрижей

Ты сама, как ветка мая.
А повсюду – бурелом.
Было трудно нам, родная,
И в сердцах рождался стон.
Но Природа улыбалась,
Ты – дитя и цвет ее.
И нужна была не жалость,
А внимание мое.
Было ветрено и снежно,
Но, как солнышко любя,
Часто-часто, нежно-нежно
Целовал я, друг, тебя.
Ты от радости сияла,
И гордилась, видно, мной,
Потому мы в жизни стали, -
Как две радуги весной.

* * *

Мы снова в этот мир вовеки не придем,
Вовек не встретимся с друзьями за столом...

В.Звягинцев. Разведка боем

Мы явились, Земля, ненадолго –

Воссиять, как звезда, и уйти,

Не оставив ни памяти горькой,

И ни зла на коротком пути.

Я пришел.

И Христос,

как на льдине,

Надо мною на облаке плыл.

Почему,

уже взрослым,

повинно

Посмотреть на него позабыл?

Почему не простил я любимой

Ту ошибку веселой души?

Мы расстались,

к любви нетерпимы,

И друг друга уже не нашли.

Улыбайся, сияй, мое солнце,

Праздник жизни дари мне скорей!

Мы вовеки к тебе не вернемся,

Не обнимем родных и друзей.

В ХОРТОБАДЬСКОЙ СТЕПИ

Хортобадской степи мы раздумья полны.
В Хортобадской степи табуны, табуны...
Мчатся кони. Гудит от копыт вышина.
Неужели в степи запылала война?
Эй, потомки гусаров, потомки князей,
Вы седлайте скорее отважных коней!
Пусть узнают враги гнев и силу мадьяр...
Наши думы ярки, как заката пожар.
Смотрим в дали, как в очи любимых своих.
Ой, как много веков там осталось лихих!
Мы скакали к тебе, Хортобадь, сквозь бои,
Потому и так дороги дали твои.
В Хортобадской степи мы раздумья полны.
В Хортобадской степи табуны, табуны...

КОСТЁР В НЯЛИНО*

Костер у берега протоки,
В долине рыжей кедрача.
Вблизи – забытая дорога,
Вон ржавый черенок меча...
Решили мы свой день хрустальный
Себе, как праздник, подарить.
Огонь горит свечой опальной,
Он явно хочет погрузить.
Он, как мое стихотворенье,
Шлет строчки синие туда,
Где величайшее творенье,
Где первая зажглась звезда

И разливается волненье
В душе, тревожа существо,
Что этот миг есть вознесенье.
Но, как, звезда, ты далеко!

– Сейчас в костер смолья подкину,
Мне говорит приятель мой.
– Тогда не станет строчек синих,
Пускай костер горит свечой.

* Нялино – название деревни.

НА КАНИКУЛЫ

Закутанный в тулуп, сижу
В кошевке, на душистом сене.
Молчит пушистый темный лес.
Да скоро ли мое селенье?!

Лошадка медленно идет.
Она в сонливость явно впала.
Вдруг дикий хохот нас накрыл,
Мне до озноба жутко стало.

«Не бойся, детка, – слышу я
Насмешливый басок возницы. –
Пугает филька– черт лесной,
Ему ночами-то не спится».

Дорога лунная скрипит,
Деревья сонные вздыхают.
Ждут мама с бабушкой меня,
Они давно по мне скучают.

Возница весел: «Вот и мы –
В столице глухаринной нашей.
Она, поверь, по всем статьям
Зимой Москвы туманной краше».

Багряны в избах огоньки.
Курятся трубы, пахнет дымом.
С кошевки падаю в сугроб.
Потом влетаю в дом родимый.

ОСЕННИЕ СУМЕРКИ

Простите, сумерки осенние,
Что ваши думы не воспел.
Вы скоро с белыми оленями
Уйдете в тундровый предел.
Простите, сумерки осенние,
Вы в грусти от моей вины.
Я ваши не ценил мгновения,
И дни мои потерь полны.
За эту рощу белогривую,
За этот шелковый туман
Вы увели мою любимую,
Явив загадочный обман...
Беспечный и самонадеянный,
Не верил в ваше колдовство.
Ах, ваш дымок лесной сиреневый!
Уже не жить мне без него.
Простите, сумерки осенние,
С печалью я спешу своей.
И знаками успокоения
Хвоинки падают с ветвей.

ЯНВАРСКАЯ РАПСОДИЯ

С неба сыплется снежное кружево,
По-январски погода свежа.
Усыпила Зима беса вьюжного,
Спит священного бора душа.
И тропинки искристые, беличьи
Ночь в покои свои увела.
И луна смотрит нежно, по-девичьи,
Сказку леса она родила.
Закурился парок над берлогою,
Соболь прыгнул в простор из дупла.
Сказка –

Юча* моя синеокая

По вершинам деревьев пошла.

Для нее – платья белые, бальные,
Для нее по-российски Зима
Возвела по озерам хрустальные
И диковинные терема.

* Юча (манс.) – по мифологии народа манси – это юная фея, хозяйка тайги.

МАРШАЛ ЖУКОВ

Приснилась Божья Матерь на амвоне
Ему в тот страшный сорок первый год.
И диво – чудотворная икона
Вокруг Москвы свершила свой полет.
Жила страна в немыслимой тревоге
От поля, от штыка и до пера.
И маршал молвил на рассвете:

«С богом!

В победную атаку нам пора»

С парада – в бой. Шли в белых маскхалатах.
Как ангелы в одеждах белых, шли
Российские бесстрашные солдаты
В морозной и сияющей пыли.
Москва за ними – в озаренье алом,
Святой Георгий – в небе на коне.
И думал о войне товарищ Сталин,
А маршал Жуков думал обо мне.
Чтоб мой отец живым в леса вернулся,
Чтоб миллионов не было сирот,
Чтоб враг металлом нашим захлебнулся.
И танки открывали наш поход.
А впереди – руины Сталинграда,
Орел и Минск, Варшава и Берлин...
И в роли величайшего Солдата
Он, Жуков, был воистину один.

ТОЛПА

Безумие искрами тлеет в толпе.
Достаточно с факелом выйти тебе,
И выплеснут злобу кричащие рты,
Свирепо взметнутся ножи, топоры.
И станут слепые безумцы терзать
Ребенка, и старца, и скорбную мать.
Раскаянье слезное будет потом.
Но... сердце уже опалено огнем.
И матери сына уже не вернешь.
Не стоит прощенья виновного дрожь.
Бездумный осколок

бездумной толпы.

Достоин проклятия вечного ты!
Как часто мы видим сегодня толпу,
Несущую слезы, разлуку, вражду.
Ревела толпа в Фергане и Узгене,
И в Степанокерте, и в горных селеньях,
Ревела в Баку, в Ереване и Оше...
Опомнитесь, люди! О Боже, о Боже!
И снова крикливую вижу толпу.
Сегодня свою испытаю судьбу.
И встал я у этой толпы на пути
С младенцем и книгой,
прижав их к груди.
– Вы держите камни? – спросил я людей.
И ваше богатство – удары камней?
И каждый невольно на руки взглянул,
Опомнился, видно, и тяжело вздохнул.

И вспомнил о доме – опоре судьбы.

–О, будь же ты проклят,

мой камень толпы!

И выпали камни из рук,

и душа

У каждого плакала, суд свой верша.

1991

САТАНА

*Давайте, наконец, признаемся: зло всегда конкретно.
Абстрактное понятие зла внедрено в умы людей сознательно
во избежание ответственности и наказания за лихие дела.
Есть конкретные люди – носители зла, и есть люди с миссией
добра на свете, как, например, Л. Н. Толстой*

Захлебнулся падун темнотою,
Застонал и погладил кусты.
И звезда загорелась свечою,
Словно у изголовья беды.
Ночь опасна внезапностью зверя.
Где-то здесь Сатаны балаган.
Испокон это чудище верит,
Что повсюду начнется бедлам.
Днем он бродит в одежде крестьянской
По селеньям и рынкам, как тать.
Сеет распри в среде мусульманской,
Католической и христианской,
Он умеет и ссорить, и лгать.
Он является ночью лохматый
На украденном в поле коне.
Но одежды злодея богаты,
Это видно при свете луны.
Загорается свечка в окошке,
Долго желтое пламя дрожит.
Слышен хохот.
И – голос истошный
Неразумной плененной души.

На заре уже нет балагана.
Красноватый клубится туман...
Где резня,
 где хозяйствует пламя, —
Сатана обязательно там.

Он меняет обличье и царства.
Он на тронах султанов сидел.
Он недавно в одном государстве
Пил, расстреливал, песенки пел.
Равнодушные, слабые люди
Сатане, словно воздух, нужны.
Потому на планете повсюду
Люди снова в сетях Сатаны.

ФЕВРАЛЬСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ

Облил их кто водою жаркой?
Стволы, как вороны, черны.
И небо голубеет ярко,
И птицы от лучей хмельны.
Сосна от сердца дарит трели,
Желна уже в дупле стучит.
Кедровка на плаксивой ели
Снять шишку с ветки норовит.
И наблюдается в округе
Лесной гармонии разлад,
Здесь горностаи кличут вьюгу,
И белки в страхе верещат...
Мороз ударил в ночь глухую,
Снег превратился в лед кругом.
Запели волки песню злую.
И лось тропинку кровяную
Торил лосихам в бурелом.

* * *

Сегодня чаек нет над Иртышом,
Сегодня мне письма не будет, видно.
Им передал бы синий оком
Твою любовь, и радость, и обиду.
Мне по душе их озорной полет.
А там, над чайками, под небесами
Неслышно реактивный самолет
Бескрайне строчку облачную тянет.
И где-то там скрещенье дум моих,
В них жалость к людям, вознесенье Бога.
Ты посмотри туда,
Ты прочитаешь в них
Мою от века
трудную дорогу.

МАЙНИК*

Здравствуй, месяц-пестроцвет**,

Подари мне майник.

От него струится свет,

Вспыхнет в сердце праздник.

Два сторожевых листа

Свой цветок прикроют,

Если град – лиха беда –

Грянет над горою.

И опять, как снег,

цветет,

Буря пролетела.

Господи, да он поет!..

Тихо, но умело.

Он пылает в сентябре

Ягодой на круче.

Их он дарит на заре

Рябчикам певучим.

Звонкий месяц-пестроцвет

Подарил мне майник.

Вдохновенья льется свет,

И на сердце – праздник.

* Майник – травянистое растение с белым цветком. Растет на горах (холмах) Ханты-Мансийска.

** Месяц-пестроцвет – это месяц июнь.

И даже звезды в небесах,
И вспыхивает, как зарница,
Печаль о дне
в МОИХ глазах.

ГОЛОС ИВОЛГИ

Любе Ш.

За лугами, лесами
Сны твои родились.
Прилетели с лучами,
В мою душу влились.
Я услышал, печальный,
Понимая вину,
Голос иволги дальний,
Он зовет в вышину.
Вижу дом у обрыва,
Ты ведешь хоровод,
Озорна и красива,
Платье вербой цветет.
В сердце вспыхнула жалость:
По веленью судьбы
Ты ушла, моя радость,
Вглубь речной темноты.
Речку мы умоляли,
Заклинали – верни!
Горькой памятью стали
Те веселые дни.
Я проснулся печальный,
Я божиться готов:
Голос иволги дальний –
Твой рыдающий зов.
Что за дивная сила
В мире, в Космосе есть?!
Ты меня не забыла –
Подала свою весть.

* * *

Как жрец Авгур*, слезу за птицей,
Куда летит? о чем кричит?
За ней закат огнем клубится,
Она как знак беды в ночи.
То гнев языческого бога,
Себя он не заставил ждать:
Я не по той пошел дороге,
Не внял твоим советам, мать.
Гудят деревья, гром грохочет,
И хлещет ветер по щекам.
Ищу приют достойный к ночи,
Ночлег творца. Но где уж там!..
Тревогу Бога понимаю –
Заботу о судьбе моей.
Но я по-прежнему шагаю
Дорогой бури. Радость – в ней!

* Авгур – жрец в древнем Риме, толковавший волю мнимых богов по крику и полету птиц.

*Душа – иных миров жилища,
А на Земле – случайный гость...*

Иван Лыцков

ПОЮЩИЕ МОЛНИИ

* * *

Подари мне, Боже, поле ржи,
Василек, парящий над межою,
Чтоб утихла боль моей души,
Чтоб я стал опять самим собою.
Подари мне праведность свою
И свое терпенье от обманов.
Если от боренья я устану,
Я молитву для тебя спою
У палатки кочевого стана.

* * *

*В свое время в Пицунде мы, отдыхающие поэты,
подолгу сидели вечерами у моря, у костра, вспоминая
славных людей прошлого. Часто произносилось имя Лермонтова*

У моря костерок горит.
Поэты молодые,
До времени седые,
Сидеть здесь будут до зари.

Им парус виден на ветру
Тот, лермонтовский, белый.
Они огонь свой берегут,
Чтоб поскорей светлело.

И верят —
 с розовой волной
К ним парусник причалит.
Поручик выйдет молодой
Походкою усталой.

Печальны карие глаза.
Он, улыбнувшись, скажет:
— Сюда идет моя гроза,
Она вам все расскажет.

Я отдохну у костерка.
Меня не беспокоя,
Спасите парусник пока
От штормового воя.

Уже гремит.

Засну на миг.

Пускай заснут печали...

Так ясен был поэта лик,
И так отчетлив грома крик,
Что все поэты встали.

То был мираж.

Грозу тая,

Катился вал ворчливо.

Стояли музы сыновья,

Им стало сиротливо.

* * *

В душе –
 струна стихии моря,
Я чувствую отлив, прилив.
Необъяснимо чувство воли,
Оно крылато, словно миф.

Ты, море, властно надо мною,
Ты ведаешь мою тоску.
Лечу себя твоей волною
На одиноком берегу.

ПРЕЛЮДИЯ К БАБЬЕМУ ЛЕТУ

Пронзительно лазурны
Просветы в небесах.
От паутин ажурных
Серебряны леса.
Еще у паутинок
Для взлета время есть.
И девочки невинно
Целуют в Храме крест.
А девушки о свадьбе
Мечтают день и ночь.
Парней веселых рати
Спешат им в том помочь.
И бабам-то не спится,
В заветном бы поспеть!
Иная оголится
И... хочет ввысь лететь.
Скорей на бабьи стоны,
День золотой, спеши!
У них ты – как икона
Для тела и души.

* * *

Марине К

Глядишь задумчиво и ясно,
В своих движениях мила.
Наверно, из веселой сказки
Ты в этот странный мир пришла.

Пришла. И солнцу улыбнулась,
И ветке мартовской сосны.
И по веленью вышины
Весенняя гроза проснулась.

Родня тебя любила нежно.
В восторге были мать, отец.
Пойти мечтала под венец
Веселой, ласковой, безгрешной...

Мы встретились в стране моей,
Где речка Ах меня растила.
Была ты, как и в детстве, милой,
Лицом и статью походила
Ты на княжну далеких дней.

Уже ты замужем. Семья.
А я, как птица, снова волен.
Собою часто недоволен.
Куда лечу? Не знаю я.

Но рано говорить «прощай».
Уверен – встретимся в дороге.
Тогда скажу: «Ты, ради Бога,
Не будь ко мне печально-строгой...»
Ответ навек запомню, знай.

СЛУЧАЙНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Случайные женщины,
вы, как поэты.

В миру одиноки.

И наши дороги

Встречаются часто и шало на свете.

Случайные женщины,

жаркие ласки,

Они и отважны,

И даже опасны,

И все-таки словно любимые сказки.

Случайные женщины –

осени листья.

Зачем так горите?

– Не знаем. Простите.

Нам горько, что дни улетают так быстро.

* * *

Вы, беды, огнем полыхайте
Пред ликом ее красоты.
Вы к ней, снегири, прилетайте,
О ней говорите, клесты.

Смотрите,

 она веселится,
Как в мае цветущем, весна.
Любовью своею гордится:
Мол, я для нее рождена.

Душе ее нынче поется.
И вдруг загрустит у реки,
И мило себе улыбнется:
– Любимый, меня береги!

* * *

Гудок гудит прощально над рекою.
А наши души молча говорят.
Нам нужно было встретиться с тобою
Моя родная, много лет назад.

Среди сует и спешки пассажирской
Два взгляда расставаться не хотят.
Твой взгляд сегодня словно материнский –
Жалеет и ласкает этот взгляд.

Мой взгляд печален.

Но в печали этой

Живет восторг –

как нежно любишь ты!

В цветах проходит перед нами лето,
Ты подарила мне свои цветы.

* * *

Зажигает звезды в небе вечер,
В небеса с надеждою гляжу.
И глаза свои открыла Вечность,
Я от взгляда этого дрожу.

Нежное и чуткое дыханье
Я на сердце чувствую своим.
И добра и зла распались грани,
И она и я перед судом.

Я клянусь ее за лицемерье
Громких обещаний и речей.
Уверяет Вечность: «Стану верой,
Совестью и правдою людей».

Я поверил этому признанью,
Прошлые сомнения круша.
Но добра и зла восстали грани,
И она насмешливо ушла.

На заре услышал голос Бога:
«Милостей от Вечности не жди.
В жизни у тебя своя дорога,
Значит, вознесенье – впереди».

УВЕРТЮРА НОЧИ

Ночь – это время любви.

Ночь – это время трагедий.

Соком фиолетовой черники
Август залил розовый закат.
Сразу стихли птиц шумливых крики.
Бор сосновый передышке рад.

Песня в горле иволги уснула.
Затаились звуки в дуплах крон.
Тихо, без веселого разгула,
Укатился гром
за окоем.

И, сияя лунными очами,
В бор пришла Богиня темноты.
И от первой вспыхнувшей звезды
Говорим мы нежными словами.

СТАЛИН

...Долго я томился и страдал.

Где же ты, моя Сулико?

Из грузинской народной песни

Этот мотив, до вершин вознесенный,
Сутью своей будоражил его.
– Где же ты? Где? – он шептал удивленно
И, одинокий, страдал глубоко.

Частыми были такие мгновенья.
В юности, право же, кто не мечтал.
Но уж тогда – на заре потрясений –
Он свою силу от воли познал.

В ссылках он души людей научился
Распознавать, как гонимый абрек.
Рано он верой в себя утвердился,
Рано воскликнул: «Ой, слаб человек!»

Стала желанною власть-диктатура,
Он за нее не щадил никого.
И уроженку глухого аула,
Редко уже вспоминал Сулико.

Он – властелин, полководец, учитель.
Брови нахмурит – и люди дрожат.
«Ты почему же народы обидел?» –
Робко спросила однажды душа.

ОДИНОКИЙ ПОРУЧИК

Развевались дымные тучи
Над полем вражды и стрельбы.
Стоит одиноко поручик –
Осколок пехотной цепи.

Над полем морозно и ясно,
Березы у поля стоят.
К последней атаке на красных
Готовится белый отряд.

Стоишь ты задумчиво- тихо,
Перчатки в морозной пылице.
Закручены усики лихо
На смуглом красивом лице.

Ты думаешь: «Как совершенны
Березы в январском цвету!
Забыли мы в схватках смертельных
Природы родной красоту.

Не дикость ли это?!

Довольно

Об этом судить и рядить!
России воюющей больно,
Но некому нас рассудить».

И будет атака.

Перчатки

Ты бросил на розовый снег.

Рванули гармони вовсю гармонисты,
И грянула песню орда.
И снова от этих крестьян голосистых
Качалась России судьба.

У РАЗВАЛИН КРЕПОСТИ*

Мэру города Тамани Г. Г. Майкову

Когда-то во славу России
Здесь грозная крепость была.
Простор необъятный и синий
Она от врагов берегла.

В ней Лермонтов был с подорожной.
Сейчас он у кручи стоит.
С любовью, с печалью тревожной
На Север туманный глядит.

Сегодня, надеждой хранимый,
Я тоже на Север гляжу.
По-прежнему верю любимой.
Как Лермонтов, ночью грущу.

Я нынче не в поисках бури,
Я нынче бегу от себя.
Россия в раздорах и хмури,
Вокруг изменяют друзья.

Мы гибнем покорно, без веры,
Все слышится реже: люблю.
А Лермонтов смотрит на Север
И думает думу свою.

* У развалин крепости – имеется ввиду Фанагорийская крепость.

ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ

Мы вдохновенно и беспечно
Твердили: счастье впереди,
Идеи наши будут вечно,
И злу от казни не уйти.
Наивность наших пышных мыслей
Враги коварные учли,
Расчетливо, хитро, по-лисьи
Они за нами вслед пошли.
Кричали: «Все на свете – братья!
Что нам делить?!

Пора дружить!»

И раскрывали мы объятья
И тайники своей души.
И вот тогда они всадили
Нам в спину сразу два ножа:
Героев наших очернили,
И в думах съежилась душа;
Закрыли будущее ширмой
Из обещаний и надежд.
Мы торговцами стали в фирмах,
Мы стали слугами невежд.
И, растеряв величье, гордость
В полях искусственной вражды,
Идем походкою нетвердой
Под хохот западной толпы...
Ах, наше позднее прозренье!
Доверчивость сродни беде.
Начнем же снова восхождение
От печки к яркой высоте!

НАПОЛЕОН

Наполеон всегда счастлив...

Надпись на доме Наполеона
в Сен-Мартине на Эльбе

В свою звезду он верил свято
В боях, в застольях, в любви.
Но не было по духу брата,
И верной не было семьи.

Военной славой вознесенный,
О счастье возомнил своим:
«Да будет Бог Наполеон
Для всех народов и племен!»
Как ошибался он, надменный!

Никто не будет над Вселенной!
И Бонапарт Наполеон
На остров страждущий Елены
Судьбою был определен.

У СВЯЩЕННОГО КЕДРА

Я в начале июня

как идол сюда прихожу.

Здесь косматые ели ночами ведут ворожбу.

И белы, словно парус,

в долине моей небеса.

У священного кедра

всегда чудеса, чудеса.

Желтый бубен-луна

над вершиною кедра висит,

И призывно, ритмично в него

кто-то тихо стучит.

Юча – фея тайги в белой парке

неслышно идет

И взмахнула руками –

у кедра уже хоровод.

В белых парках,

а может, в одеждах тумана они –

Девы леса,

в руках по цветку –

голубые огни.

Очарованный этим сказаньем июня, стою,

Словно временно я оказался в запретном краю.

* * *

С любовью внуку Славику

Все на небо смотришь, славный крошка
Не глядишь пока ты на меня.

Видно, Бог открыл тебе окошко
В благодать небесного огня.

Он нарочно это сделал, милый,
Налюбуйся светом голубым,

Чтобы силы вскорости хватило
Устоять

перед потоком злым.

Ты гляди, гляди туда подольше,

Набирайся воли для души,

И взгляни на всех потом построже,

И уже за нас поплачь в тиши.

* * *

Мой внук заплакал:
Он впервые встал.
Один, без мамы, в грозный
мир шагал.

Мир страшно удивился:
– Как ты мал!
Внук улыбался, плакал и сиял.
В минуту эту...
гением он стал.

РАДУГА ИЮЛЯ

Середина июля –

душистое лето.

В небесах –

коромысло цветное рассвета.

Две бадьи по краям –

два озерных простора.

Наплывает туман

из лесистого дола.

Ты сияй, знак грозы –

коромысло июля.

Пауты перед нами –

как желтые пули.

Белый клевер в оранжевом ждет палисаде.

Как ребенок, ему моя милая рада.

* * *

Наполненный звуками бора,
Я речи деревьев постиг.
Над полем бездумных раздоров
Летает по божеской воле
Умиротворяющий стих.

Надежды людской повеленье —
Я космос ребенку дарю.
Да будет стезя вдохновенной!
Открой же нам тайны Вселенной,
Я только об этом молю.

ПОЮЩИЕ МОЛНИИ

В грозу родился в небе Храм
Дождя, ветров и грома.

Гремит торжественно орган
Над мокрой крышей дома.

Небесный Храм –
он на горе.

Мой дом –
у кручи старой.

Храм в розоватом серебре –
Поющих молний кара.

Не спит преступник и ханжа,
И властелин крамольный.
Дрожит, дрожит его душа
От грозных песен молний.

Вершите суд свой, небеса,
По воле божьей всюду.
За это, вещая гроза,
Тебе молиться будут.

* * *

Тоне

Перед собою прав,
Наперекор беде,
Среди берез и трав
Ищу вчерашний день.
Но где его следы,
Мне, солнце, подскажи,
Ведь есть у Красоты
Свечение души?
Верни же день на миг.
Мне только бы его
Увидеть милый лик —
И станет мне легко.
Беспечный, я забыл,
Что день неповторим.
Ну, для чего кутил,
Когда я был любим?!
В тот день она ушла
Задумчива, тиха.
И мечется душа,
И рана глубока.
Верну тот день, верну!
И вечно не умру,
Когда скажу — прости,
Прижав ее к груди.

О ДЕНЬГАХ

Где деньги, там и слезы,
И женский алчный смех.

Где деньги, там угрозы,
Там золото и мех.

Не надо быть провидцем,
С деньгами ты – герой.
Попробуй разориться –
И ты уже смешной.

Мы деньги проклинаям.
Ах, лучше б горы книг!
– О, небо! – мы взываем,
Жить научи без них.

* * *

С березы сыплются веснушки
В январский синеватый снег.
Шагает мимо робкий, скучный
И равнодушный человек.
Он ничего не замечает,
Не чувствует укор берез.
«Скорей домой, скорее к чаю», —
И прячет в шубу зябкий нос.
Он дома телевизор будет
Смотреть до полночи глухой
И возмущаться им: «О, люди!
Какой позор! Кошмар какой!»
И сон придет —

в болотной тине

К нему крадется крокодил.
И закричит он: «Где я, Зина?!
Пошто в болото угодил?!»
Жена проснется от испуга:
«О, Господи! Да что с тобой?!»
Лепечет муж: «Такая штука...
На сон я фильм смотрел дурной...
И утро. Снег лучистый, свежий.
Герой наш словно бы прозрел:
«Прости, мой день, меня, невежу,
Я не туда всю жизнь глядел».
Увидел радугу цветную,
Услышал песню снегиря.
«Не замечал красу такую...
Да кто же, кто же, небо, я?..»

НОВАЯ ВСТРЕЧА

Ты снова зовешь меня, розовый мак.
Послушен я тайному зову.
К тебе тороплюсь.

Ты, наверное, маг:
Есть чувство пьянящее в слове.
Я в детстве запомнил красивым тебя.
Потом мы расстались надолго.
Меня привечали морские края,
И волны Урала и Волги.
Я рад, что позвал ты на встречу меня.
Спешу,

словно детство увижу:
Рябины под окнами дома-жилья,
Скворечник, тесовую крышу.
Но где этот дом?

Предо мной особняк,
Роскошный, мудреный и яркий.
К чему торопился на встречу, чудак?
Желал я иного подарка.
Тебя я увидел в ограде большой,
Стоял ты излишне нарядный.
И люди согбенные перед тобой
Стояли у края ограды.
Чего они просят, старинный мой друг?
Презрительно ты улыбался.
Хозяином их унижений и мук
Ты стал, —

я потом догадался.

И вот мы одни.

Ты, как прежде, красив.

Видать, берегут тебя в доме.

И вышел оттуда, и зол, и криклив,

Детина по фильмам знакомый.

– Здесь нечего делать тебе! Уходи!

Гостей я других поджидаю.

Мой розовый мак!

Стало больно в груди.

Прощай! Я тебя понимаю.

ЗЕНИТ ЛЮБВИ

Весною небо тихо плачет,
Роняя звездочки свои.
Он есть, он есть – зенит горячий,
Зенит восторженной любви.
Твои глаза синее марта,
Я в них читаю твой испуг.
Ах, не откладывай на завтра
Свои признания, мой друг!
И губы влажные сомкнулись,
И стали ближе небеса.
И вздрогнули и распахнулись
Твои весенние глаза.
Ты вся – восторг, огонь, движение,
Пылает страсть в твоей крови.
Вовек не будет сожаленья
От выпитой до дна
любови.
Прощай, летучий сумрак марта!
Звезда последняя, гори.
Не жди, не повторится завтра
И никогда –
зенит любви.

* * *

*Я восходил на все вершины,
Смотрел в иные небеса.*

А. Блок

Стоял у страшной бездны я,
К себе укор и боль тая,
Стоял бесстрашно на краю,
Хотел ей бросить жизнь свою.
И вдруг я каперс* увидал,
Он под камнями стонал
И помощи, как видно, ждал,
И я каменья раскидал.
Спасенный каперс мне кивнул,
И я услышал странный гул.
Разверзлась неба синева,
Ко мне обращены слова
С вершин, сияющих в снегах,
Таящих молнии в лучах:
– Постой подольше на краю –
И станешь жизнь ценить свою.

*Каперс – южное растение, стелющееся по земле.

СЛОВО К ГОРДЫНЕ

О, как вы свысока глядите!

Мне слово боязно сказать.

О вечной молодости мните.

Увы! Ее вам не познать.

Простите, вижу вас старухой,

Вам девяносто или сто.

Уж не ласкают звуки слуха,

Не улыбнется вам никто.

Вы вся в себе.

Вы вся – страданье.

Вы ждете ночь седого дня...

Не уготовьте наказанье

Такое,

боги, для меня.

* * *

О, день! – никто не нагрубил,
Осталась бочка меда цельной.
«Спасибо» всем я говорил,
Рад перемене вдохновенной.

Я даже на базаре был.
Куда девались злые черти?
И здесь никто не нахамил,
Повсюду вежливость, поверьте.

Я шел.
Сияла высота.
Пришла пора любить, смеяться,
Светло друг другу удивляться.
Неужто это все – мечта?
Сил не хватает в том признаться.

* * *

*Я поведал подлинную житейскую историю,
страшную по своей правде*

Сережу ребята нашли в конуре,
И это случилось в дожди, в сентябре.
Оставил отец его, бросила мать.
Сережа залез в конуру умирать.
– Сережа, иди к нам, – Андрюша просил.
– Мне свет без отца и без мамы не мил.
– Но света они недостойны, Сергей,
Коль бросили сына. Иди к нам скорей.
– Куда я пойду, если дождик вокруг?
– Ко мне мы пойдем, – уговаривал друг.
– Ты в нашей квартире теперь станешь жить.
Родителей сыщем. Чего же тужить!
И вылез Сережа к друзьям не спеша,
Растерянный, жалкий. Рыдала душа...
Родителей тени погасли вдали.
Он выстоял в жизни. Друзья помогли.

ТОЛКАЧИ

Толкачей в России много,
Как в поэзии, так в прозе;
Как на столбовой дороге,
Так и на тропе, в обозе.
Вьются около министров,
Кружат около завмагов –
Этот Коган, этот Шустров,
Этот юркий Троеглазов.
Есть на них печать- примета –
Быть прислужниками вечно.
Говорим о них с рассвета.
Говорим мы бесконечно.
Но от слов они не тают,
От усердья не устали,
И людей своих толкают,
Зная толк,

на пьедесталы.

Суетятся эти гномы,
Услужить, мол, долг,
не бремя...

Но искусственные троны
Беспощадно рушит время.

1990 г.

* * *

В день смерти Ю. В. Андропова я увидел на утренней пустынной улице в Тюмени рыдающего мужчину. Он кричал в небо: «Я плачу! Человек погиб!» Он напоминал юродивого.

Да здравствует юродивый! Кричи, вещун:
Наш царь еще неопытный, летами юн.
Кричи о том боярине, что глаз косит,
О Федоре, который на костре молчит.
Ты бей, ты бей, юродивый, в набат души:
– Эй, на Петра Великого зла не держи!
Он гривы наши темные мечом сечет,
Из подпола Россию на солнце зовет.
Ой, трудно просыпаемся! Ой, мочи нет!..
Упал на снег юродивый, как смертник, сед.
Чугунная верига дышать не дает,
И кровь – ручей прощальный –
из горла идет...

Юродивых не стало.
Зачем они нам.
Без их набата верим

чужим слезам.

Но иногда мы правду боимся сказать.
Тогда легко в нас труса и раба узнать.
Воскрес бы тот юродивый – и закричал:
– Я ради вас за правду на снега упал!..

1984 г.

* * *

*Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.*

А. Блок

А в Леушах идут дожди.
За речкой Павой море грязи.
И не проехать, не пройти,
Один эфир живет для связи.
И каждый чувствует душой:
На свете он сегодня лишний.
За пеленою дождевой
Он шепчет: «Смилуйся, Всевышний...»
Услышал наши стоны Бог:
Пронесся в небе ветер свежий,
Открыв нам голубой клочок
И озарив улыбкой нежной.
И в чудотворный этот миг
У всех унылых и бесстрастных
Вдруг появился гордый лик —
Дорогу дай лучам, ненастье!

* * *

Твой лик, Природа, сердцу ясен,
Твоя разумность и душа,
Тоску снимает майский яшень,
Восторг несет полет стрижа...

А в шумном мире человека
Настала страшная пора:
Ловчит подлец – халуга века,
Ханжи кричат: ура! ура!

Их не тревожит крик пожара,
И не взволнует никогда
Мятежный лермонтовский парус
И Достоевского мечта.

И ради собственного блага
Они святыни предают.
И совесть –
 рыцарскую шпагу –
С высоких кресел продают.

Беда у каждого порога
Стоит, минуты ждет своей.
А люди спят, и спят глубоко.
Проснитесь же скорей, скорей!

* * *

У сосен седых Ювяскюля,
В расщелине двух валунов,
Костер мой таежный в июле
Пылает на фоне холмов.

Давно уж погасло светило,
Давно уж влюбленные спят.
А мысли о родине милой
В лиловое небо летят.

Нельзя мне, поверьте, Суоми
Чужбиной далекой назвать –
Черты материнского дома
И края повсюду видать:

И эти еловые пади,
И тихий озерный простор,
Рябины пурпурные пряди,
И камни раздвинувший бор.

Повеяло ветром душистым,
Вдали заалел горизонт.
Поклон мой земле каменистой,
И людям душевным поклон.

ОДИН

Деревня лет военных.
Хромает мужичок.
Глядит он дерзновенно,
Для баб он нынче – Бог.
Он, раненый на финской,
Негож для мировой.
Он – вроде обелиска,
Но царственно живой.
Единственный мужчина
Среди мальцов и вдов,
Среди старух старинных
И хмурых пареньков.
Он у сельчан в почете,
Он – вроде мудреца.
Как ни крути, он – вроде
И брата, и отца,
Любовника и мужа,
И стража по ночам.
И тем, кто занедужил,
Дрова привозит сам.
Встает он раньше Пети,
Горлана -петуха.
Спешит от Лизаветы,
Подальше от греха.
Мычат ему коровы,
И хряк бежит вослед.
На плечи взвалит снова
Мешок забот рассвет.

Порой он цепенеет,
Как вспомнит, что один...
И сам себя жалеет —
И раб, и господин.

УТРЕННЕЕ

Моим сыновьям – Илье и Ивану

Небо зеленое над кедрачами.

Музыка звезд и ветвей.

Что еще надо! –

навекы я с вами,

Кедры моих сыновей.

В храме твоём отдыхаю, Природа,

От суеты и забот.

Неразделимы душа и свобода,

Молнии и небосвод.

ПРАВО

ПРИРОДЫ

ИЗВЕСТИЯ

Исследования в области...

Исследования в области...

Исследования в области...

Исследования в области...

Исследования в области...

Исследования в области...

Исследования в области...

Исследования в области...

Исследования в области...

Исследования в области...

* * *

Осенний дождик темно-синий,
Как моего костра дымок.

Он пляшет на ладонях лилий,
На глади луговых проток.

Дождь обмывает птичьи стаи
Парной, живительной водой,
Пусть говорят о снежном крае
В стране загадочно чужой.

Они летят,
поют и плачут.

Вернутся ли опять домой?..

Как для поэта много значит —

В страданье — голос верховой!

МОЛЬБА К БОГУ

К истине шел терпеливо,
Мук моих не передать.
Господи, несправедливо
Жизни поэта лишать.
Пусть он живет, сколько хочет,
Этот чужак на миру,
К небу взывающий ночью
Дать озарение злу.
И не свое ли горенье
Ты ему, Господи, дал?
В искрах его вдохновенья
Ты свою волю узнал.
Так отпусти же, Всевышний,
Вечность ему от весны.
Верой одарит он ближних
В эти и дальние дни.
Благ он себе не попросит,
Золота он не возьмет.
Лишь благодарные слезы
Ясно в ладони прольет.

К ПУШКИНУ

Ты и в бронзе такой же крылатый,
Воспарил над певучей листвою.
И зовешь в беспредельность куда-то,
И нельзя не лететь за тобой.

ГУРЗУФ

Ты утром розоват, Гурзуф,
Как розовый армянский туф.
Ты подарил мне ту скалу,
Где Пушкин, словно Бог, стоял.
Спешил к нему зеленый вал.
Встречал пурпуровый рассвет
Взволнованный зарей поэт.
Вон бриг Раевского в огне
Зари

качает на волне.

Шептал поэт: «Я счастлив был.
Тебя, Гурзуф, я полюбил.
О, время, твой жестокий бег
Остановить бы наскоку!
Я плакал здесь, на берегу...»
Лучи играли в парусах.
Гурзуф останется в стихах.
Он подарил мне ту скалу,
Где Пушкин трепетно стоял,
И в честь него восход сиял.

* * *

Я – мученик радостный Бога.
По воле его на Земле
Кремнистую выбрал дорогу,
В камнях она и золе.

Гроза меня гонит под крону,
И молнии близко горят.
Мне ведомы страхи и стоны
Деревьев, и птиц, и зверья.

Я вижу полей опустенье,
Я слышу тоску деревень,
Забывших властями затменья,
С бравадой хмельной в голове.

Душа моя – знак притяженья
Страданий и болей людских.
И в этом – мое вдохновенье,
И обретает паренье
Обласканный муками стих.

В ШАИМЕ

*Одно время мама жила в Шаиме Кондинского
района. Я учился тогда в Ленинграде и приезжал
к ней на каникулы*

У озера сосны высокие.
Навеки запомнился дом,
И окна его синеокие,
И крыши прощальный уклон.

Шла в дом телеграмма из Питера:
«Меня пирогами встречай».
И в маминой тихой обители
Мы пили с морошкой чай.

Врывался к нам Лушников радостный:
– Ну, здравствуй, сиятельный гость!
Зовет на тропу тебя лось,
Денек-то – дарение, благостный...

И утром парною лосятиной
Наш дом аппетитно дышал.
Богата округа сохатыми,
И в ягоде каждый увал.

Здесь вижу сказителей,
с ликами,
Как будто пришедших с икон.
Вновь верю в Россию великую,
Зовущую за окоем.

МОЯ ОСЕНЬ

Другу- композитору Юрию Клепалову

Костерок мой прощально искрится,
И задумчиво нынче окрест.
Осень тропкою красной лисицы
Покидает растерянный лес.

Почему так душе беспокойно:
То заплачет,
 то вновь запоеет?
В небо взгляд поднимаю невольно,
Осень в дали навеки уйдет.

Я, конечно же, Осень обидел:
Я мгновеньями не дорожил.
Вы, деревья, меня не хулите,
Каюсь сам
 перед взглядом души.

Вот и Осени нету.
 И туча
Снеговая, я слышу, плывет.
Успокойся, душа,
 может, лучший
Наступает в Природе черед?

Но не может душа примириться,
И зовет мою Осень назад...
Ой, как часто зимой будет сниться
Огневой листопад, листопад!

* * *

Так много в саду георгинов!
Так много надежды в груди,
Что снова я стану любимым,
Звезда улыбнется в пути.

А детство далеко-далеко.
Ушли с ним лесные цветы
По этой забытой дороге,
Где нет ни мечты, ни беды.

Мне нынче звезда посветила,
Она не забыла меня,
Услышал я нежное: «Милый...»
Признанью доверился я.

Никак мне нельзя ошибиться,
Наверное, даже во сне,
Ведь я – одинокая птица,
Измены не выдержать мне.

Усталые крылья расправив,
Живительны взоры твои,
Лечу по высокому праву,
Лечу я к желанной любви.

О ДОБРОТЕ

Главное для творца – быть добрым.

Бетховен

Одного таланта мало,
Прока нет –
 без доброты.

Нам ее недоставало
Вечно в годы маяты.

Доброта родилась, видно,
В тот лохматый, дикий век.
Золотой закат увидел
Озаренно человек.

Удивился он узорам
Пролетавших облаков:
«Ой, пещера! Наши горы!
Мы сидим возле костров...»

Удивлялся, восхищался,
Как ребенок, хохотал.
«Как я дик!»- себе признался.
И потом в раздумье впал.

Стал он вдруг добрее дома,
Много мяса дал жене.
Ночью он при звуках грома
Каялся в своей вине.

Был в семье жестоким часто...
Этим нынче мы грешны,
И признаемся – порою
Мы не чувствуем вины.

Что случилось, люди, с нами?
Почему душа молчит?
Почему она утрами
Равнодушно в небо зрит?

Глянул я в седые дали-
Пушкин к милости зовет.
Потому в него стреляли,
Что любил его народ.

Чехов, Лев Толстой и Гоголь
Чем прославили себя?
Взяли доброту у Бога,
Всю Вселенную любя.

4 октября 2011 года

* * *

Металлическим басом витийствует гром.
Кедры спрятаться в норы готовы.
А девчонка идет озорно под дождем,
Чуть нахмурены влажные брови.
«Что ты ищешь, хорошая, в дождь проливной?» —
«Мой любимый придет повстречаться со мной». —
«Ну, а вдруг испугается милый дождя?» —
«Он родился в грозу. Верю милому я».

* * *

Ты другого любишь, знаю.

Он красивый, видел я.

Отчего ж, тебя встречая,

Я шепчу: «Любимая...»

Все я верю –

Вдруг ты скажешь:

«Ты живи, меня любя».

Буду жить.

И, знаешь, даже

Холостым останусь я,

Помни же, – из-за тебя.

* * *

*В мужской среде бытует мнение,
что многие жены склонны к измене супругу*

Неужели милым, славным,
Нашим дамам православным
Хочется измен?

Кто от ревности уставший,
Сам жену не раз предавший,
Бросил эту тень?

Да, мучительны вопросы.
У отдельных женщин слезы
На глазах стоят.

Я на этих осторожных,
Обаятельно-тревожных
Обращаю взгляд.

Неужели Дон-Жуаны,
Явно склонные к обману,
Вправду вам милы?

– Их отрава обещаний
Много нам несет страданий,
В этом вы правы.

Но не им усладу сердца
Отдаем мы. Нам, поверьте,
Нужен славный муж.

Чтоб понятливо, отважно
И, любя, стоял на страже
Наших женских душ.

Тот, кто камень обвиненья
Кинул в нас без сожаленья,
Взял на сердце грех.

Верность — это вдохновенье.
И свеча грехопаденья —
Явно не для всех

* * *

Тане Архаровой, бывшей жене

Троекуровский бор по ночам бедокурит:
То свистит, то хохочет, то бурю зовет.
На рассвете глаза ярко-рыжие щурит,
И деревья в тумане ведут хоровод.

Это Кунцево.

Сосны на кладбище в небо
Смотрят так –
словно слушают голос Христа.
Здесь я в домике жил,
и светила мне Вега,
А в другое окошко стучалась беда.

На Рябиновой улице жил я полгода.
И решил я вернуться в края глухарей.
Провожала в дорогу меня непогода,
Мол, зачем покидаешь Москву, дуралей.

Я вернуться решил в свои трудные дебри.
Но зачем я Татьяну оставил одну,
Ведь в столице гуляли бездумные ветры,
Приобщая сограждан к распутству, к вину?..

Вскоре стали мы с юною Таней чужими.
О возвышенной жизни смешной разговор...

НОЧНАЯ ЕЛЬ

Ночная ель укрыла зайца,
От волка он сейчас удрал.
И тяжело дышал, стонал
И слышал: «Заяц, не пугайся.
Спокойно спи, трусишка серый,
И, ради бога, не дрожи.
Ты от меня ускачеешь смелым,
И станешь ты со мной дружить».
О, веток царственных дыханье
Душистой смолкой и снежком,
На время брошенным дуплом!
У белки есть свое касланье*.
Луна насмешница и скряга,
Имея Ковш из серебра,
Семь капель веткам налила,
Ей служит серебро как влага.
Напротив ели солнце только
Над горизонтом поднялось —
И удивленно вскрикнул лось:
«Ель стала новогодней елкой!»
Вся в серебристом серпантине,
На ветках звездочки зажглись,
Над елью серп луны повис,
Он, вроде, зацепил вершину.

*Каслать (местное наречие) — кочевать. Обычно это относится к оленьим стадам.

О, это дивное явление
Узреть не каждому дано.
И длится на заре оно
Минуты три –

ОДНО МГНОВЕНЬЕ.

Растаял снег на ветках ели.
Угасли звездочки, дрожа.
Ель по-весеннему свежа.
В кусты умчался заяц смелым.

* * *

*Швец Алексею Ивановичу,
казаку станицы Старотитаровской*

В краю садов, вина, лиманов

Живу уже десятый день.

И странно –

я не вижу пьяных,

Здесь человек, видать, кремень.

Кубанец лих, насмешлив, хваток,

На ветер не бросает дни.

И по характеру, по складу

Души

сибиряку сродни

Он любит беззаветно волю,

Об этом бережет молву.

Зову его в свое раздолье,

На глухариный ток зову...

Вольготно мне в краю лиманов,

Полей бескрайних и вина.

Душа в полет стремится рано,

Стихами полнится она.

ШУША

Памяти друга В. К. Аскерова

Шуша – на каменной вершине.
Мальчишки гладят облака.
Здесь род Аскеровых века
Справлял рожденья и кончины.

Мудры седые аксакалы,
Считают звезды по ночам
И удивляются орлам:
Доступны им любые дали.

Шуша – вершина храбрецов,
Поэтов славных от Вагифа.
Шуша хватила нынче лиха –
Пришла вражда в край облаков.

По воле злой и нетерпимой.
Но, слава небу, мудрость есть,
И скоро все получат весть:
Шуша народами хранима.

* * *

В Ижевске дождь.
И хвоя лиственниц
К полудню начала желтеть,
Печально в небеса глядеть:
Когда же небо снова высинит?

И я гляжу с грустинкой нежной
На эту морось, на туман,
Душою чувствуя обман
Какой-то силы злой и внешней.

Но силы доброты могучи.
Об этом говорит река:
Смотри, плывут издалека
К нам голубые облака...
И плачут на прощанье тучи.

Его благословенье,
видать, в душе живет:
Услышу гром, и знаю:
Илья-Пророк зовет.

ДЕВОЧКА И ОКУНЬ

Плавники – твое весло,
Красноперый окунь.
Смотрит девочка светло
На твою дорогу.
Вот песчаный пережат –
Осени отметка –
Словно розовый ухват
Стиснул речку цепко.
И у девочки испуг
В синих глазках-щелках:
«Ты куда плывешь, мой друг,
Там ведь очень мелко?!
Коршун в клюв тебя возьмет».
Окунь, окунь смелый
Вперевалочку плывет –
Как идет по мели.
Плеск над речкою стоит
Этим ранним утром.
Окунь поверху горит
Ярким перламутром.
На иголках – по лучу,
С них сиянье льется.
«Окунь, я к тебе лечу!» –
Девочка смеется.
И к нему она бежит
Тропкой торопливо,
Говорит от всей души:
«Здравствуй, мой красивый...»

Удивление ее
Утро принимает,
И сокровище свое
В омут опускает.

ФАРТОВЫЙ ЗЕМЛЯК

Он многое может и хочет,
Мечты у него далеки.

Удачу рыбацкую ночью
Умело берет у реки.

Он знает лесные законы,
Он знает берлоги окрест.
Заботой его окрыленный,
Растет, улыбается лес.

Природа таким помогает,
Что надо, мол,
то и проси.

И в сети торопятся в мае
И окуни, и караси.

С ним много историй случалось,
Такая уж, видно, душа.
Однажды голодной, усталой
Медведица в гости пришла...

Он любит рассказывать байки,
И любит, поверьте, стихи.
«Да это же Ваня Китайкин!» —
Воскликнут мои мужики.

ДОРОГИ ГЕОДЕЗИСТА

Жара в бору стоит такая –
Кора деревьев пальцы жжет.
Ведро воды,
Как зверь, лакая,
Сейчас бы выпил.
Сушит рот.
И сапоги мои – два пуда,
И горше каждая минута.
Живу сейчас одной заботой:
Вода, водица мне нужна.
Речушки высохли до дна.
На помощь мне приди, болото.
И реже, реже бор сосновый,
И вот он – кочек сонный рай.
И среди них – овал лиловый.
Вода!
Болото, каплю дай!
Вода глубинная, живая,
Природы дух и сила в ней;
Вода в болоте ключевая –
Настой морошковых корней,
В ней аромат твой, голубица.
Спешу, спешу воды напиться.
И горным кручам сердце радо,
В петлице эдельвейс несу.
Пески пустыни в час заката
Напоминают мне лису

Благословенные дороги,
У вас покоя не прошу.
И, видимо, по воле Бога
Я часто в небеса гляжу.

МОЛВА РЫБАКА

*В Нефтеюганском районе есть речка Шиш –
глухое, но интересное место*

На речке Шиш,
Где вечно тишь,
Я взял на крюк однажды сома.
Он метров пять,
Ей-богу, Гриш,
Хотя и рыбина скромна.
Держу багор.
А сом, как бык,
Стоит усатая громада.
Я, Гриша, к чудесам привык,
Но этот сом – души отрада.
Смекаю, как его домой
В живой исправности доставить,
Чтоб каждый мне сказал: герой,
Достоин ты российской славы?
В село водой привел его.
Меня спасло мое терпенье.
Народ увидел... е-мое!
И началось столпотворенье.
С минуты той – в почете я,
В газетах пишут постоянно.
Есть даже, Гриша, про меня
Статейка в книге иностранной.

ВОСКРЕСНАЯ ВЕРБА

*Народной артистке России
Наталье Герасимовой*

Скоро Пасха в старинном Самарово,
Верба ждет перезвона пасхального.
По-над кручей стоит серебристая,
Словно тучка апреля пушистая.
Теплый ветер летит с моря Черного:
«Ты очнись ото льдов, даль озерная,
Даль кедровых холмов, даль таежная,
У тебя на яру – дочь пригожая.
Небо славит ее воскресение,
Все звончее скворцов краснопение
И она во цвету – удивление.
Я дарю ей платок желто-розовый.
Скоро я прилечу к вербе с грозами».
Ветер птицей летит над Самарово.
Верба ждет перезвона пасхального.

* * *

Пламенеет дорога заката,
И оранжевый пепел летит.
В эти дали идти бы не надо,
Там священная роща горит.

Кто-то мне отомстил искушенно
За доверчивость и кутежи.
Я стою на развилке безмолвно,
Кружит пепел над полем души.

Не дожидаться от милой прощенья
За мои гулевые грехи.
Ничего уже нет для спасенья.
Может, только вот эти стихи...

* * *

Наверно, этот час придет:
Луч позовет меня весенний,
Через реку укажет брод –
К отцовской листвени священной.
На город я махну рукой
С его жестокой суетой.
Избушку выстрою себе
С поющим глухарем на крыше.
И птица оживет в резьбе,
И я услышу:
«Солнцу ближе,
Роднее стал ты, человек,
Как я в зеленой синеве».
И этот мудрый день настал,
И я ушел в лесную даль.
Живу в тайге в ладу с медведем,
Мне другом стал и лось, и гусь.
Я сердцем слит с любым рассветом.
Я в город больше не вернусь.
Но жив в душе моей цветок –
Он память выстраданных строк
На волнах городских дорог.

* * *

Я слушаю осень утрами.
Лосихи серебряный рог
Призывно трубит над логами,
И шлет перезвоны ледок.

А в поле морозные звуки –
То сахарный хруст кочанов.
Как флейты, на обской излучке
Звучат голоса вожаков

Взволнованных стай перелетных.
И солнце – поющий глухарь
Вновь дарит мне чувство работы
И осени певчую даль.

Кричать от радости готов,
Когда сияющий, лучистый,
Сам в руки просится муксун.
При виде нельмы серебристой
Запел мой сибиряк-молчун.
И я пою.
Леса внимают,
Осенней свежестью дыша.
Я озаренно понимаю:
Слита с Природою душа.

ОСЕННЕЕ ТАНГО

И откуда нагрянули снежные тучи?
Сбит на руки берез чернокрылый турпан*
За моим палисадом, цветущим у кручи,
Словно море, шумит Леушинский Туман**.

Ты вчера улыбалась в лучах георгинов,
А сегодня ушла от меня навсегда.
И глядят на обоих, страдая невинно,
С поднебесных высот молодые года.

Вспоминается та бесшабашная пьянка,
Звон гитары, и смех, и коварный обман...
И деревья танцуют осеннее танго,
И последние листья уносит в Туман.

Бьются в берег крутой поседелые волны,
Ты сегодня в ненастье, детства милого край.
И хотя на душе и тоскливо, и больно,
Рано мне говорить: ты прости и прощай.

*Турпан – большая черная утка.

**Леушинский Туман – название озера.

НЕ СОСТОЯЛСЯ ЧЕЛОВЕК

Родился утром человек,
И было шумное веселье.
За окнами в лучах апреля
Двадцатый улыбался век.

Петруша рос. Он полюбил
Тайги вечерней акварели.
И на бумаге птицы пели,
Когда он кистью ворожил.

Художник – звали все его.
В деревне кличка как награда.
Она угаснет, если надо,
Но с этой – на душе легко.

Он был звездой в десятом «б».
Ему завидовали парни,
Что для него открыты ставни,
Что ждут его в любой избе.

Талант – явление мечты.
В деревне чтут талант особо.
Еще студентом Петя Лобов
С мольбертом, в синей модной робе
Был словно сыном высоты.

И вдруг оставлен институт.
Он ставку сделал на заказы.

И сберегательные кассы
Теперь его радушно ждут.

Он рисовал. Он водку пил.
Так голова болит с похмелья!
И странно – хочется безделья,
И он неделями кутил.

Уже не раз Петру в лицо
Бросали гневное: «Халтура!..»
Но не вскипала в сердце буря.
А для души и для лазури
Есть парашютное кольцо.

Ты воспари! Найди себя!
Ты посмотри, как много чуда,
Как жаждут удивленья люди!
Ты воспари, людей любя!..

Но Лобов не откроет век.
От водки умер, от безделья.
А было утро и веселье,
Когда родился человек.

1986

НА АВТОБУСНОЙ ОСТАНОВКЕ

*Светлой памяти писателя,
друга В. И. Моисеева*

Плотная белая сеть
Предзоревого тумана.
Песне сейчас не взлететь:
И непогода, и рано.
Это и к лучшему. Я
Больше увижу народа.
От мелочей бытия
Наша зависит свобода.
Плачет ребенок в руках
Девочка
 в курточке летней.
Стала случайною – ах! –
Матерью пятнадцатилетней.
Горестно парень стоит,
В доме трагедия, видно.
Хрупкий, ранимый на вид,
Выдержит ли обиды?..
Пьяный мужчина несет
Водку с начинкой заморской.
Выпьет, опять упадет,
Здесь по-весеннему скользко...
Если я Русь обойду,
В сердце забота такая,
Всюду я встречу беду,
Всюду картина лихая.

Люди, воспрянуть пора,
Есть еще день для спасенья !..
Зябко, туманно с утра.
В полдень придет озаренье

1994

ТВОИ ВЕСЁЛЫЕ ШАРФЫ

(Шутка)

Узнала ты – люблю шарфы.
Их в праздники мне даришь ты.
Я оценил твое вниманье:
Оно – любовное желанье,
Оно – ночное обаянье.
Дари мне каждый день шарфы.

Ношу веселые шарфы.
А это значит – рядом ты.
Тебя сейчас не проведешь,
Любовницу не заведешь:
Ты тотчас разгадаешь ложь,
Со мною ведь твои шарфы.

Ношу красивые шарфы,
Они, как майские цветы.
Они всегда меня ласкают,
В пути метельном согревают,
И о тебе напоминают
Твои веселые шарфы.

СНЫ НАРКОМАНА

Еще один из жизни хочет
Уйти, наркотики познав.
Он мечется, страдает ночью
В кошмарах огненного сна:
Багряный маг кругами ходит,
В себя втыкая красный нож.
Пурпурное светило всходит,
И розовый струится дождь.
Но почему темнеют краски?
И некто с темной бородой,
Как чучело из хмурой сказки,
Кивает черной головой.
Он открывает рот, как рыба,
Которой трудно на песке.
Он надвигается, как глыба,
И черный шприц блестит в руке.
Колоть он жертву не устанет,
И будет боль, как от огня.
И крик рванется: «Мама! Мама!
Спаси, родимая, меня!»

* * *

Смеется над нами дитя.
Мы, взрослые, так не смеемся.
Нам надо взглянуть на себя
Глазами ребенка.
Вернемся
К своей изначальной черте –
К доверчивости и доброте.
Мы в этом клянемся, клянемся...
Потом над собою смеемся.

* * *

...Разорвал он струи лунных ливней...

В. Шишков. Угрюм-река

Разорвал он струи лунных ливней,
И увидел стойбище вблизи.
У седой сосны желтеют бивни,
Празднично и звездно от росы.
Стан легенд, исток рожденья мира,
Женской первородной Красоты.
От живучих кедров в людях сила,
И еще она — от доброты.
Здесь живут наивно и по-братски,
Освящен любовью этот дол.
Через сотню трудных лет на счастье
Я сюда наследником пришел.
Разорвал я струи лунных ливней,
Поклонился розовой грозе.
Как ребенку, мне открылся дивный
Мир в своей доверчивой красе.
Нам с тобой, душа, пора за дело!
На терпенье я тебя молю.
Бога и людей на ниве спелой
Муками труда благодарю.

ИЗНАЧАЛИЕ

Весной вернулись глухари
В свои священные пенаты.
По-детски родичи мои
Им, старикам небесным,
рады.

«Они – посланники богов», –
Седой Тимпей с крыльца пророчит.
Он поклоняться им готов,
Он ждал их три бессонных ночи.

Вдали сияние зари.
Раскрыты клювы от волнения.
Дивятся солнцу глухари –
Его волшебному явлению.

Глядит ребенок из окна,
С ним рядом бабушка-вещунья.
Поет о глухарях она,
И вторят ей деревьев струны.

Я из окна глядел тогда,
На птичий зов душа проснулась,
И нежно миру улыбнулась,
И вспыхнула моя звезда.

* * *

С любовью внуку Саше

Ты желанный, голосистый.
Голос звонок, серебрист.
Будишь нас в краю холмистом,
Как старательный горнист.
И глухарь тебе внимает,
Озадачен муравей:
«И откуда в нашем крае
Появился соловей?»
Может, станешь ты артистом?
Может, магом птиц и трав?
Вдруг взлетишь к звезде лучистой
Как отважный космонавт?..
А пока буди нас рано,
Любит ранних мудрый Бог.
Много дел, любви, страданья
У твоих земных дорог.

УСТАЛЫЕ ЛЕБЕДИ

Другу, поэту Николаю Денисову

Уехали охотники мои,
Оставив мне и озеро, и остров.
И – лебеди!
Как белые ладьи,
Плывут, незримы их тугие весла.
Усталые, они плывут ко мне,
Себя считая редкими гостями.
Но строг вожак.

Порою по волне,
Как бы взлетая,
сильно бьет крылами.
Они мне верят –
я не трону их,
Им нужен отдых для полета к югу.
Навстречу им летит
мой белый стих, –
Спасибо,
Вы во мне признали друга.

МЕДВЕЖЬЯ ГРИВА

Как лезвие бритвы притихшей,
Такая стоит тишина.
Кедровка здесь кажется лишней,
И кажется шумной желна.

Хозяева гривы – медведи
Проводят по-своему дни:
Порою играют, как дети,
Порою свирепы они.

И кто попадется под лапу,
На свете уже не жилец.
Но можно с медведем поладить,
И даже дружить, наконец.

Он хитрости рода людского
На шкуре своей испытал.
И, право же, много дурного
От нас, бедолаг, перенял.

В его раздражительном реве
Так явственно слышится мат.
Охотник судачит: «По-новой
Грехи наши перенимат:

Услышит он запах спиртного
И лютым становится, брат...»

Но в мирного веря медведя,
Ему говорю от души:
«Когда я иду на рассвете,
Ты,
 сытый от щедрости лета,
Пожалуйста, в чаще лежи».

СВЯЩЕННАЯ ЛИСТВЕНЬ

Эта листвень – природы загадка:
На высоком шайтанском мысу
Расцветает однажды украдкой,
Удивляя цветеньем весну.

По веленью весны салютует
Небо залпами грома

цветам.

И Туман Леушинский ликует,
И поет чернокрылый турпан.

По-над яром, где листвень нарядом
Приглашает влюбленных к себе,
Ты была, моя милая, рада,
Ты своей поклонилась судьбе...

Нашу листвень назвали священной
Земляки молодые не зря.
И признали ее во Вселенной
Звезды неба, луна и заря.

МАРТОВСКИЙ РУЧЕЙ

Вода в логу уже проснулась,
Так просыпаются цветы.
Вершинам кедров улыбнулась,
И песня родилась воды.
И эта песня разбудила
Поутру зайца-русака.
И сразу стала ива милой,
Даря ручью свои снега.
На звон ручья медведь очнулся,
Ах, этих весен канитель!
На правый бок перевернулся,
И снова душно захрапел.
Ручей бежал, смеясь, ликуя,
Как вставший на ноги малыш.
Его благословила Туя*:
«Ты будешь радовать Иртыш».

* Туя (манс.) – весна.

ПОЭТ

Вадиму Кузнецову

Голубичник краем поля
От дождя в сосняк бежит.

А поэт –

такая доля –

У березы чутко спит.

Спит устало и тревожно,

Словно воин, на меже.

И стихи –

вполне возможно –

Зреют в этот час в душе.

Он проснется, отряхнется

От дождинок и листвы,

И березе улыбнется –

Сын Природы, сын молвы.

Нелегка его дорога,

Будет он шагать всю ночь.

Он спешит на зов народа,

Чтоб обиженным помочь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Только в моем Кондинском районе с 1967 по 1997 годы
перестало существовать 56 национальных деревень.*

Строки грустного рассказа,
Как осенние цветы.
Возвратился мадур Ваза*
На песчаный яр Конды.

«Где вы, гордые вогулы?!» -
Богатырь кричит – зовет.
Но молчат в тайге паулы**,
Не спешит к нему народ.

Где вы, где вы, братья леса,
Братья речек и озер?!
Слышен только гром железа.
Буровых железный хор.

И пошел он скорбно в дали,
Где он в детстве тормовал***.
Но и там повсюду гари,
Край родной он не узнал.

* Мадур Ваза – богатырь, герой мансийского эпоса.

** Паулы (манс.) – селенья.

*** Тормовать (манс.) – охотиться с лодки на лося.

Нет кедровников священных,
Нет селений на ярах.
И упал он на колени
На песок родимой Ах*.

«Не смирюсь с бедой вогулов!
Слышишь, небо, не смирюсь!
Пеплом вымерших паулов
В этом я тебе клянусь...»

* Ах — река, приток Конды.

* * *

Слышу голос ушедших полей.
Я седею от счастья и муки,
Что Природа вернула мне звуки,
Звуки детства для песни моей.

* * *

*Это стихотворение навеяно романом
В. С. Пикуля «Баязет»*

Близ Ванской дороги стоит Баязет.
Повсюду сражений отчаянных след:
В песках ятаганы, мортиры, клинки...
И скалы рыдают в ночах от тоски:

Им столько жестокостей видеть пришлось!
Сказанье об этом длиною до звезд.
И ясно уже, что народы Земли
С рожденья дорогой ошибок пошли.

Ни дня без сражений. Восходы в крови.
А созданы все для трудов и любви...
Планета сегодня, как тот Баязет:
Мы, люди, – носители горя и бед.

В СЕРБИИ

В дни нашествия НАТО

В горах бессмертье ищет воин:

«Прими меня, моя скала...»

И он бессмертия достоин.

Душа воплощена в орла.

Кружит орел над горным краем,

Ему привольно и легко.

И он над тучей понимает:

Врагам не победить его.

ОЗЕРО ЮМИНО

Другу Владимиру Юмину

На озере Юмино – тишь, благодать,

Задумчива сосен июльская рать.

И цвета моей голубики вода.

Он, Юмин Володя,

приходит сюда.

Как зоркий хозяин, веселый рыбак.

На удочку ловится окунь, чебак.

Тут дачное место, обжитый простор.

Душевный ведем у костра разговор.

Мол, если тайгу сбережем сообща,

Спасется народ, и спасется душа.

– Не чудо ли! –

вон Нижневартовск видать,

И рядом – воды удивительной гладь.

Володя задумчив,

Упруг, словно рысь.

Обводит глазами небесную высь:

«О, друг мой, понять бы все люди должны:

Мы в помощь Природе на свет рожденья».

* * *

Пахнет милая цветами –
Зверобоем, чебрецом.
Смотрит льдистыми глазами
На заре за окоём.
Ждет она, наверно, Принца –
Чародея своего.
Говорю я ей: «Подвинься,
Я пришел вместо него».
И погасло отчужденье,
И промолвила, любя:
«Принимается прощенье
От покорного тебя».

НОЧНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Деревья кажутся большими,
Неузнаваемо чужими.

И тени плавают, снуют,
И тихо про себя поют.

Растут деревья на глазах,
Уже вершины в облаках.

На время надо им взлететь
И в небе Бога усмотреть.

Но, словно дети за подол
Хватают мать:

– Куда ты, мол?

Хватают их за ветки мошки,
Синицы, белки, гномы-крошки.

За корни держат барсуки –
Ночные жители тайги.

И нету мочи им взлететь
И в небе чудо усмотреть.

«Не гните наши ветки, гномы,
Не улетим мы в царство Грома,
Нам хорошо в зеленом доме».

СНОВА О ЧАПАЕ

Курсантов ночью сняли с караула*.
Да кто же дал предательский приказ?!
Наверно, эта тайна не для нас...
Огнем плюются карабинов дула,
Лютуют шашки конников косматых,
И пулемет дрожит...
Чапая нет.
Но ярко жив его душевный свет,
Жив образ полководца и солдата,
Любимого народного героя.
От этой славы нет врагам покоя,
Она клеймит врагов и подлецов.
В отместку –

новый анекдот готов.

Мусолят эти анекдоты в барах
И ресторанах все, кому не лень.
Под хохот пьяных вижу горький день –
Спускается Чапай к Уралу с яра.
И снова вижу карабинов дула,
И снова вспоминаю про беду,
Я вспоминаю про измену ту –
Курсантов ночью сняли с караула.

* В ночь гибели Чапаева и его штаба по чьему-то приказу была снята с караула дивизионная школа – рота курсантов.

(Из воспоминаний Д. Фурманова).

ИУДА

*М. С. Горбачев сыграл зловещую роль в судьбе СССР.
Налицо – предательство.*

Мы делим землю, делим вещи,
Мы делим реки и леса...
Молчит до срока голос вещий,
Молчат до срока небеса.

Из мрака заговоров, блуда
Беда в Отечество пришла.
В одеждах белых был Иуда,
Брал хлеб с крестьянского стола.

И мы поверили —
возможно,
К нам стала доброй высота.
И мы не ведали, что ложью
Пропитаны его уста.

Он ядовито улыбался
А мы шептали: это друг.
Иуда искренне смеялся,
Доверье бросив под каблук.

Носитель зла —
он всюду просит
Высоких благ, тая обман.
Он тридцать сребренников носит,
Как самый верный талисман.

ДУМА У СПИЛЕННОГО ДЕРЕВА

Запах свежеспиленного дерева,
Как ты душу растревожил мне!
Пахнет хвоей, горьковатой серою,
Каплями янтарными на пне.

Ветки, будто лапы глухариные,
Вписаны в брусничник навсегда.
Дерево, я с мудростью совиною
Для себя беру твои года.

Может, стану осторожным более,
Знаю, что перед коварством
слаб.

В странном мире за одним застольем
Пьют владыка, и поэт, и раб.

В странном мире лицемера жалкого
Люди часто носят на руках...
Было схоже дерево с гадалкою,
Взгляд искал чего-то в небесах.

Я и сам гляжу туда с надеждою,
Брата жду из дали голубой.
Взглядами лаская тучи вешние,
Слышу:

вновь сюда идут с пилой.

ИНМАР

В морошковом болоте
Живет болотный Дух*.
Он целый день в походе,
Когда края в цвету.

Морошка, как подснежник,
Улыбчива, нежна.
Болота белоснежны,
Когда цветет она.

В мансийской летней парке**
Наш Инмар вдаль идет.
Ему немножко жарко
В кочкарниках болот.

Он смуглый и скуластый,
Имеет скромный рост.
Сквозь топи, сквозь ненастья
Его проносит лось.
Друзья – глухарь и ворон
На зов его спешат.
Бойтся злой Комполен
Такого малыша.

* В мансийской (кондинской) мифологии есть два болотных духа: злого духа зовут Комполен, добрый дух носит звучное имя Инмар.

** Легкая рубаха из оленьей кожи.

Комполен ночью бродит,
За ним – зверюшек стон.
Шуршат о кочки бродни*,
Глаза горят огнем.

Он прячется в берлогу,
От солнца слеп и глух.
Зовет людей в дорогу
Наш Инмар – добрый Дух.

* Бродни – легкая кожаная обувь с длинными голенищами.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ГРОМ

Гром в сентябре у нас случаен,
Он осторожен и печален.
Прощаясь с нами до весны,
Летит в лазоревые дали,
И крылья у него красны.
И плачет небо на березы:
Повелевает грозный маг —
Нужны снега, нужны морозы,
И — роспись —

МОЛНИИ ЗИГЗАГ.

Праздник лирики

/краткий очерк о поэзии Андрея Тарханова/

Однажды в 1961 году я прочел на страницах тюменской областной газеты стихотворение о желто-слепящем песке на берегу реки Конды, о пронзительно голубых просветах неба, о тревожных криках чаек...

От стихотворения веяло таким естественным могучим романтизмом, что я растерялся: вроде бы романтизм ушел в далекое прошлое, а в стихотворении незнакомого поэта он дышал широко, полной грудью. Запомнилось имя поэта: Андрей Тарханов. Именно эти, простые на первый взгляд стихи, и стали для меня ключом к поэзии Тарханова, к миру мансийской души, которую он столь оригинально, смело раскрывал читателю. Я вошел в мир первозданных чувств, в мир удивительного восторга перед жизнью...

Читая первые стихи- миниатюры А. Тарханова: «На зимней дороге», «Ели», «Первый подснежник», «От зноя бор сосновый порыжел...», «Березонька» я был поражен умением поэта написать точную живую картинку – лаконичную, как в японских «хокку», не просто скопировать факт природы, а сопроводить его емкой, крылатой мыслью, такой, что ты за пле-

нительной миниатюрой вдруг чувствуешь сгущенную атмосферу страны, напряженный пульс времени. Я невольно думаю, читая такие стихи, о великих художниках древности, для которых лаконизм был одним из основных признаков красоты, выражением сконцентрированной творческой мысли.

Поэзия Тарханова – это поэзия человека с пронизательным, добрым и прямо-таки с пророческим взглядом на мир, на людей. Видимо, этот редкий дар получил он от щедрой природы, от языческих священных боров, озер и речек, и болот. «О, звериная зоркость и чуткость моя...» – писал он исповедално в одном из ранних стихотворений. В поэзии А. Тарханова – по манере письма, судьбе героя, философии бытия – есть некая перекличка с лирикой казахского поэта Олжаса Сулейменова.

Это – как звезда с звездой говорит. Тарханов тоже пишет на русском языке, но не потому, что оторвался от национальной судьбы своих соплеменников, а потому, что так ему легче выразить масштабную правду о своем народе, показать его благородную, мятущуюся душу. И это свое высокое назначение поэт доказал в трагической поэме «На последнем берегу».

Андрей Тарханов овладел не просто русским языком, – он овладел всеми достижениями русской классики. Именно она, русская классика, помогла родиться музыке его художественного слова – неповторимой по своему национальному содержанию, по своеобразной поэтической интонации.

Русские классики оказали на Тарханова очень большое влияние. Он учился у многих, но самый его любимый поэт – Лермонтов. И как это замечательно, когда в творчестве мансийского поэта находишь лермонтовскую традицию, и не просто приобщение к ней, но – смелое, вдохновенное ее развитие.

Лирика Андрея Тарханова – это праздник чувств и мыслей человека, трепетно восхищенного красотой мира и зовущего людей к братству и дружбе, творчеству и доброте, бережности друг к другу и природе. Кстати, о природе в творчестве Тарханова – особый разговор.

Оказывается, поэзия Андрея Тарханова настолько подчинена природе, что, вчитавшись в нее, я с изумлением обнаружил – она строится... по календарному принципу. В любом учебнике по фольклору вы найдете главу о календарной обрядовой поэзии, как одно из вымерших и ныне архаичных форм искусства. А в поэзии Тарханова эта форма ожила и развилась. Весна, лето, зима, осень вызывают у поэта определенные душевные состояния, и все его стихи целиком подчиняются природным циклам. Это чудо найдешь далеко не у всякого национального поэта, пишущего на самом чистейшем родном языке. Такое наследование – неожиданное, как бы выплеснувшееся из глубины души говорит о творческом развитии Тархановым именно национальных начал в искусстве.

Тарханов – манси по своей морали, по своему взгляду на жизнь и в то же время – гражданин нашего века. Он решает своей поэзии те же проблемы, которые стоят перед всем обществом, а не только

перед народом манси. Как поэт он обладает предметным мышлением и восприятием мира в его единстве. Во всем этом и кроется секрет силы и значительность личности Андрея Тарханова, оригинальность его творчества, обаяние его поэзии.

**Константин Яковлев,
литературный критик**

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАРНИЦЫ ПРОШЛОГО

Меня приучают к смиренью...	7
Боготворю деревья и траву...	8
Березовские дали	9
Мечтатель	10
Старинный тракт	11
Туман	13
Аманья	14
К переселенцам	15
Уже утихли всех ученых споры...	17
Небесные звуки	18
Березовая роща	19
Вершины кедров	20
Ты в руке держала ветку...	21
Мы явились, Земля, ненадолго...	22
Меняют ангелы одежды	23
В Хортобадской степи	24
Костер в Нялино	25
На каникулы	26
Моя деревня	27
Осенние сумерки	29
Голубеют кедровые шишки...	30
Январская рапсодия	31
Маршал Жуков	32
Поединок	33
Толпа	34
Сатана	36

Февральская оттепель	38
Сегодня чаек нет над Иртышом...	39
Майник	40
Закат в сентябре	41
Голос иволги	43
Как жрец Авгур, слежу за птицей...	44

ПОЮЩИЕ МОЛНИИ

Подари мне, Боже, поле ржи...	47
У моря костерок горит...	48
В душе – струна стихии моря...	50
О, Время, чувствую тебя!..	51
Прелюдия к бабьему лету	52
Залетный ветер	53
Осеннее письмо	54
Глядишь задумчиво и ясно...	55
Случайные женщины	57
Вы, беды, огнем полыхайте...	58
Гудок гудит прощально над рекою...	59
Зажигает звезды в небе вечер...	60
Увертюра ночи	61
Сын Природы	62
Сталин	63
Одинокий поручик	65
Батька Махно	67
У развалин крепости	69
Позднее прозренье	70
Наполеон	71
У священного кедра	72
Ах, детства голубое лето!..	73

Всё на небо смотришь, славный крошка...	74
Мой внук заплакал...	75
Радуга июля	76
Наполненный звуками бора...	77
Поющие молнии	78
Перед собою нрав...	79
О деньгах	80
Ночной лес	81
С березы сыплются веснушки...	82
Новая встреча	83
Зенит любви	85
Стоял у страшной бездны я...	86
Слово к гордыне	87
Таежник	88
О, день! — никто не нагрубил...	89
Серёжу ребята нашли в конуре...	90
Толкачи	91
Да здравствует юродивый!..	92
А в Леушах идут дожди...	93
Озеро Туман не спит ночами...	94
Твой лик, Природа, сердцу ясен...	95
У сосен седых Ювяскюля...	96
Один	97
Вершина	99
Утреннее	100

ПРАВО ПРИРОДЫ

Осенний дождик темно-синий...	103
Мольба к Богу	104
К Пушкину	105

Гурзуф	106
Шлет импульсы тревожные свои...	107
Я — мученик радостный Бога...	108
В Шаиме	109
Моя осень	110
Так много в саду георгинов!..	112
О доброте	113
Металлическим басом витийствует гром...	115
Ты другого любишь, знаю...	116
Неужели милым, славным...	117
Троекуровский бор по ночам бедокурит...	119
Да останешься в памяти ты...	121
Свет фотографии	122
Ночная ель	123
В краю садов, вина, лиманов...	125
Шуша	126
В Ижевске дождь...	127
Грохочет колесница небесного Илья...	128
Девочка и окунь	130
Фартовый земляк	132
Дороги геодезиста	133
Молва рыбака	135
Порубщик	136
Воскресная верба	137
Весна, выходит, затяжная...	138
Пламенеет дорога заката...	139
Наверно, этот час придет...	140
Я слушаю осень утрами...	141
Плав	142
Осеннее танго	144
Не состоялся человек	145

На автобусной остановке	146
Твои веселые шарфы	148
Сны наркомана	150
Смеется над нами дитя...	151
Я все удивляюсь тебе, моя мама...	152
Разорвал он струи лунных ливней...	153
Изначалие	154
Ты желанный, голосистый...	155
Залетный ветер	156
Медвежья грива	157
Священная листвень	159
Мартовский ручей	160
Поэт	161
Возвращенье	162
Слышу голос ушедших полей...	163
Близ Ванской дороги стоит Баязет...	165
Ночь моря	166
В Сербии	167
Озеро Юмино	168
Августовская ночь в аромате кипрея...	169
Пахнет милая цветами...	170
Ночные деревья	171
Снова о Чапае	172
Иуда	173
Дума у спиленного дерева	174
Инмар	175
Зимнее утро	177
Прощальный гром	178
<i>Яковлев К. Праздник лирики</i>	179

Литературно-художественное издание

ТАРХАНОВ
Андрей Семёнович

Поющие молнии
Стихотворения

Выходит в авторской редакции.

Выпускающий редактор *П. Р. Черкашин*
Оператор набора *А. Ф. Тарханова*
Предпечатная подготовка *П. Р. Черкашин*
Дизайн обложки *П. Р. Черкашин*

Подписано в печать 07.02.2015.
Печать офсетная. Гарнитура Garamond.

Издательство «Лулу»
США, Северная Каролина
г. Роли



Літературно-художнє видання

ТАРХАНІС
Андрій Сльотинський

Поющие молитвы

Стихотворения

Выходные данные: авторское право

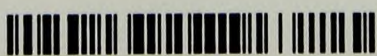
Научный редактор: И. Р. Чернышова
Технический редактор: А. В. Голубович
Корректор: А. В. Голубович
Дизайн обложки: И. Р. Чернышова

Первый выпуск: 1998 г.
Первый выпуск: 1998 г.

Издательство: «Литературно-художественное»
г. Киев







* 459171-607167 *

160-00



045602016

Государственная библиотека Югры

Андрей ТАРХАНОВ

ПОЮЩЕ МОЛНИИ



ID: 16308742
www.lulu.com

ISBN 978-1-312-90013-4



90000



9 781312 900134